

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго ¹⁾.

6 іюня отбитъ блестяще штурмъ союзниковъ.

28 іюня—печальный день: убитъ П. С. Нахимовъ.

Число геройскихъ защитниковъ Севастополя рѣдѣло. Да и не было такихъ вліятельныхъ, какъ покойный Нахимовъ.

Между тѣмъ, Горчаковъ настойчиво торопилъ—подготовить отступленіе изъ Севастополя, почему рвеніе защитниковъ Севастополя слабѣло.

Тотлебенъ былъ раненъ и, въ своихъ запискахъ, говоритъ, что это время, т. е. іюнь мѣсяць, было безъ пользы потеряно нами: съ 29 іюня у насъ прибавлено было только 110 р., а непріятель возвелъ 8 батарей съ 80 орудіями.

Въ то же время снова сталъ ощущаться недостатокъ въ порохѣ, но не по бездорожью зимняго времени, а по недостатку предусмотрительности.

Мы, защитники Севастополя, не мало винили въ томъ начальника штаба Коцебу, его штабныхъ, въ средѣ которыхъ было много поляковъ.

Горчаковъ съ своей точки зрѣнія былъ правъ, говоря, что нужно оставить Севастополь, гдѣ бесполезно погибаетъ столько людей.

Кн. Меншиковъ былъ другого взгляда: онъ находилъ необходимымъ поддерживать Севастополь, будучи увѣренъ, что союзники, принужденные еще зимовать, снимутъ осаду.

Впоследствии одинъ старый англійскій морякъ, обсуждая

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь, 1911 г.

японско-русскую войну и ночное нападеніе на русскіе броненосцы въ Портъ-Артуръ, говоритъ, что этотъ ударъ, отозвавшись на самолюбіи русскихъ, возбудить въ нихъ энергію, о которой могутъ имѣть понятіе лишь тѣ, кто участвовалъ въ осадѣ Севастополя. И тотъ, кто сравнилъ русскихъ съ медвѣдемъ, былъ хорошо знакомъ съ русской природою и тонкимъ психологомъ: подобно медвѣдю русскій добродушень, тяжелъ на подъемъ, покладистъ, но горе тому, кто его разозлитъ и выведетъ изъ терпѣнія!..“

IV.

На сколько вдумчиво относился молодой кн. Ухтомскій къ осадѣ Севастополя, видно изъ того, что, во время осады, велъ онъ особую алфавитную тетрадь подъ заглавіемъ „буквенная тетрадь характеристики офицеровъ“.

Подаривъ мнѣ эту тетрадь, въ которой имѣются справки о службѣ и участіи въ Севастопольской оборонѣ многихъ моряковъ, князь передалъ въ мое полное распоряженіе и записки, вложенныя въ тетрадь, двухъ дѣятелей Севастополя, на сколько онъ зналъ, нигдѣ не напечатанныя, предоставивъ мнѣ огласить ихъ, если это я найду нужнымъ.

Такъ какъ то были сослуживцы князя и сказанное ими относится къ эпохѣ, о которой говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь, и такъ какъ документы эти имѣютъ не только личный, но и общественный интересъ, а замѣтки Тимирязева говорятъ и о Нахимовѣ, то я приведу ихъ здѣсь полностью.

I. „Записка о служебныхъ занятіяхъ лейтенанта Дмитрія Афонасьева во время осады Севастополя съ 10 сентября 1854 г. по 28 августа 1855 г.“

Командированный изъ Балтійскаго флота, отъ 14 флотскаго экипажа, въ Черноморскій, состоялъ на фрегатѣ „Сизополь“, а, по затопленіи фрегата 10 сентября 1854 г., поступилъ въ составъ своднаго баталіона, составленнаго изъ командъ фрегативъ „Сизополь“ и „Флора“, подъ командою капитанъ-лейтенанта, нынѣ капитана 1 ранга, Воеводскаго 3-го, и находился сначала на позиціи, на правомъ флангѣ Сѣвернаго укрѣпленія, а съ 13-го на лѣвомъ флангѣ 3-го отдѣленія, у боковой балки, при построюкѣ 4-хъ пушечной батарее и для прикрытія цѣпью фланга по балкѣ и по дорогѣ отъ бойни. По расформированіи баталіоновъ по экипажамъ, 1 октября поступилъ въ прикомандированіе къ баталіону 36 флотскаго экипажа на Малаховомъ Курганѣ при построюкѣ укрѣпленій—сначала подъ коман-

дою капитана 2 ранга Скоробогатаго, а съ 5-го октября подъ командою капитанъ-лейтенанта Воеводскаго 3-го. Съ 26 ноября— въ составѣ означеннаго баталіона на 5 отдѣленіи при постройкѣ Ростиславскаго редута по 2 апрѣля 1855 года, съ котораго времени поступилъ въ штабъ командира Севастопольскаго порта старшимъ адъютантомъ съ состояніемъ по флоту и былъ въ этой должности въ гарнизонѣ Севастополя по день отступленія, завѣдывалъ строевой частію.

Получилъ награды: 26 ноября 1854 г. произведенъ въ лейтенанты за отличную храбрость и мужество при защитѣ Севастополя 5-го октября. Въ этотъ день находился съ партіею при доставкѣ снарядовъ и орудій по батареямъ Малаховаго Кургана.

Мая 21 дня 1855 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 3 степ. съ бантомъ за храбрость и мужество, оказанныя во время состоянія на 5 отдѣленіи.

Августа 17 дня 1855 года награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степ. съ бантомъ за отличную распорядительность и мужество при потушеніи пожара въ артиллерійскихъ погребахъ на дѣловомъ дворѣ 6-го іюня.

Октября 26 дня награжденъ золотою саблей съ надписью „за храбрость“ — за отличную распорядительность въ ночь съ 27 на 28 августа при исполненіи личнаго порученія г. главнокомандующаго—завѣдывать переправой войскъ и обозовъ съ Корабельной Стороны черезъ мосты въ Южной Бухтѣ, а потомъ уничтожить въ докахъ пароходъ „Корниловъ“ и мастерскія и, по переправѣ войскъ, обозовъ и прикрытій, развести мостъ, что успѣлъ окончить къ 10 часамъ утра.

II) „Два мѣсяца на Камчатскомъ Люнетѣ (съ 27 марта по 26 мая). Изъ журнала, мною веденнаго. 4 экипажа лейтенанта Тимирязева.

27 марта 1855 г.

День Воскресенія Христова прошелъ тихо и спокойно. Мы, православные, этого дня не покушались ни на какія мѣры противъ непріятели. Послѣдній взрѣдка палилъ, но не приносилъ большого вреда.

Съ разсвѣтомъ, 28 марта, непріятель открылъ сильную бомбардировку по городу и по батареямъ; но Богъ, помогая намъ, не допустилъ врага насъ уничтожить. Ночью непріятель исправилъ свои поврежденія. 29-го повторилъ бомбардировку съ большою энергіей, но тоже не принесъ себѣ этимъ желаемаго успѣха. Потеря съ обѣихъ сторонъ была значительна (показанія плѣнныхъ).

30 марта.

Бомбардировка продолжается съ той же силой. Батарей съ обѣихъ сторонъ порядочно пострадали. Но благодаря Богу, посылающему намъ силу и крѣпость, во время самаго жестокаго огня, удалось исправить поврежденія. Орудія наши не переставали громить враговъ, между тѣмъ какъ послѣдній скоро переставалъ дѣйствовать.

Въ 8 ч. утра я имѣлъ счастье съ парохода фрегата „Владиміръ“ быть назначеннымъ на Камчатскій люнетъ.—Герои Владимірскіе по-братски пожелали мнѣ при прощаньи отличій и скорого возвращенія. Командиръ корабля, Григорій Ивановичъ Бутаковъ, кромѣ словеснаго приказанія, отдалъ приказъ по пароходу въ ниже-слѣдующихъ лестныхъ для меня выраженіяхъ:

„Получивъ предписаніе немедленно отправить лейтенанта Тимирязева въ распоряженіе начальника 4-го отдѣленія оборонительной линіи, я поздравляю его съ тѣмъ, что выборъ начальства палъ прямо на него и, хотя истинно сожалею, что „Владиміръ“ лишился съ тѣмъ прекраснаго офицера, но надѣюсь, что лейтенантъ Тимирязевъ не потеряетъ на дѣйствительномъ поприщѣ, куда его призываетъ потребность войны. Прощаясь съ нимъ до свиданія, желаю ему всевозможныхъ успѣховъ и достойной награды за всегда примѣрную службу. Съ такими офицерами начальству всегда жаль разставаться“.

Приказъ этотъ, прочитанный командѣ парохода при сослуживцахъ, сильно растрогалъ меня. Я поторопился къ новому назначенію, какъ на балъ. Желаніе мое было поскорѣй отблагодарить моего капитана и сослуживцевъ Георгіевскимъ крестомъ и у новаго начальства заслужить такую же рекомендацію. Въ 10 часовъ утра я пошелъ на Корниловъ бастіонъ, а оттуда на Камчатскій люнетъ, гдѣ и вступилъ въ командованіе лѣвымъ фасомъ изъ 7-и орудій.

Командиръ редута—В. Е. Лазаревъ, праваго фаса—М. Н. Нееловъ, передняго фаса—ластоваго экипажа прапорщикъ Кондратьевъ, содержатель порхового погреба и снарядовъ—прапорщикъ Москвинъ. Команда изъ 186 человекъ разныхъ экипажей и два артиллерійскихъ кондуктора. На люнетѣ всѣхъ было 18 орудій, изъ нихъ 4-е единорога 1-го пула и 4-е двадцати четырехъ-фунтовыхъ пушекъ.

31 марта.

Съ обѣихъ сторонъ бомбардировка, начавшаяся съ разсвѣта, продолжалась до сумерекъ съ большой энергіей. Всю ночь непріятель не переставалъ бросать въ городъ и на батареи бомбы и гранаты. Въ 6 часовъ пополудни, при обходѣ мною люнета съ начальникомъ

саперовъ, флигель-адъютантомъ, полковникомъ Е. И. Тотлебенемъ, на лѣвомъ фасѣ, около второго траверза, ранило меня въ правое плечо штуцерной пулей вскользь, неопасно. Я ограничился тѣмъ, что сходилъ на перевязочный пунктъ, гдѣ докторъ, перевязавши меня, далъ мнѣ средство — пользоваться на люнетѣ, и я снова явился въ ряды сослуживцевъ Камчатскаго люнета. Плечо безпокоило меня до 7-го апрѣля, а потомъ, мало по малу, я началъ забывать боль. 8 апрѣля, въ 8 ч. утра, сдавши вахту М. Н. Нелову, не успѣлъ я еще сойти въ блиндажъ, какъ храбрый сослуживецъ лишился обѣихъ ногъ, имѣя, при этомъ, такое присутствіе духа, что удостоилъ насъ и команду, сказавши: „Прощайте, друзья!“.

До 10-го апрѣля бомбардировка продолжалась съ большой силой съ обѣихъ сторонъ; съ сего же числа непріятельскій огонь замѣтно началъ ослабѣвать. Но мы все-таки продолжали дѣйствовать съ обыкновенной быстротой; видя же, къ вечеру, что непріятель совсѣмъ прекратилъ огонь, прекратили и мы дѣйствія нашей артиллеріи. До 19 апрѣля съ батареей нашихъ изрѣдка стрѣляли по смѣнамъ и въ ночное время—по работамъ непріятеля, на что послѣдній отвѣчалъ мортирными бомбами, которыя вреда большого не приносили. Убыль людей въ эту бомбардировку была отъ 80 до 100 человѣкъ въ сутки. Суточная же потеря въ непріятельскихъ войскахъ намъ неизвѣстна; но, надо полагать, что численность потери непріятеля не менѣе нашей.

19 апрѣля.

Пальба съ обѣихъ сторонъ была довольно усиленная. Мортиры непріятельскія въ числѣ четырехъ двухъ-пудовыхъ, поставленныхъ въ траншеяхъ, и пяти-пудовыхъ, числомъ шесть, поставленныхъ по три, на французской и англійской батареяхъ, дѣйствовали по нашему реду. Нехвастливая пальба непріятеля: бомбы ихъ не причиняли большого вреда. На десять большого калибра мортиръ мы отвѣчали 6-ю полу-пудовыми — въ траншеи непріятеля. Замѣтно было, что непріятель нашъ, получивши отвѣтъ на свои выстрѣлы; начиналъ всегда хуже палить. Снаряды, попадавшіе до того въ амбразуры, начинали то недолетать, то перелетать. Пользуясь этимъ, мы могли исправлять поврежденія днемъ. Артиллерійскіе кондукторы, командуя мортирками такъ искусно разоряли мерлоны штуцерниковъ, что и послѣдній огонь, съ постановкой на люнетѣ мортирокъ, началъ слабѣть. Вслѣдствіе ранъ командира люнета В. Е. Лазарева, отправленнаго на Сѣверную Сторону, честь командовать люнетомъ досталась мнѣ. Принявъ въ свое командованіе 18 орудій, 2 фальконета, 3 фунтовыхъ и 6 полу-пудовыхъ мортирокъ, командировъ праваго фаса — В. И. Чистякова, лѣваго фаса — М. А. Харламова,

передняго фаса—прапорщика Кондратьева, содержателя порохового погреба и снарядовъ прапорщика Москвина, двухъ артиллерійскихъ кондукторовъ и 199 матросовъ разныхъ экипажей, я счелъ за нужное, обойдя редутъ, собрать вокругъ себя команду и сказать имъ спасибо за усердіе при предмѣстникѣ моемъ и выразить свою надежду въ будущемъ видѣть въ нихъ такихъ же молодцевъ. Вотъ нѣсколько словъ, проговоренныхъ мною Камчатскимъ молодцамъ.

„За особенное счастье считаю я командовать вами, молодцы. Если Богу угодно будетъ оставить меня съ вами до изгнанія враговъ нашего отечества, то увѣряю васъ, друзья мои, эта награда будетъ лучшимъ воспоминаніемъ всей моей жизни. Прошу я васъ быть такими, какими я васъ уже знаю. Въ успѣхѣ же нашего оружія будемъ полагаться на Бога и Его милосердіе.“

Дѣйствительно я нашелъ въ своихъ молодцахъ настоящихъ героевъ. Не разъ начальникъ благодарилъ меня за прекрасное дѣйствіе людей артиллеріи. Потеря прислуги у орудій ежедневно была не очень значительна. Она не уменьшала нравственнаго духа команды а, напротивъ, давала болѣе средствъ каждому изъ матросовъ, на каждомъ шагу, выказывать самоотверженіе и усердіе къ службѣ. Разбитый мерлонъ до апрѣля исправили подъ сильнымъ штуцернымъ огнемъ и огнемъ съ батарей. Подбитыя орудія замѣнялись новыми въ пылу жаркаго дѣла, такъ что непріятель ни разу не могъ замѣтить нашего поврежденія и хвастать своимъ успѣхомъ.

26 апрѣля я сдѣлалъ первый воскресный смотръ командѣ и редуту подъ ядрами (какъ въ мирное время водится у насъ на судахъ). По окончаніи смотра пробилъ на молитву и передъ образомъ Божьей Матери читалъ вслухъ молитвы. Несмотря на неугомоннаго непріятеля, мы кончили очень благополучно молитву, послѣ которой отплатили свое безпокойство врагу: скоро, очень скоро заставили замолчать. Во всемъ—милосердіе Божье соупутствуетъ намъ. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!

1 мая 1855 г.

Вспоминаю былые годы. Недальше, какъ въ 1854 г. день этотъ былъ встрѣченъ въ Голландіи; было очень весело и мирно. Теперь этотъ день я встрѣчаю на люнетѣ, ужъ очень не по-прошлогоднему. Всѣ дни съ 25 и до 6 мая пушки люнета говорили языкомъ мести съ врагомъ нашимъ. Такъ какъ мнѣ разрѣшено было располагать (по случаю пребыванія моего, впереди нашихъ укрѣпленій) по усмотрѣнію своему зарядами и снарядами, то я и тратилъ ихъ столько, сколько нужно было, чтобы заставить непріятеля молчать. Въ командованіе мною люнетомъ, я замѣтилъ, что батареи противъ Кам-

чатки очень неискусны въ пальбѣ: всякій непріятельскій выстрѣлъ, направленный прямо въ амбразуру къ комендорамъ 39-го экипажа (Стадниченко, Кузьминъ, Молосниченко) или не долетаетъ до редута, или перелетаетъ его и совершенно безъ вреда останавливается въ полѣ. Четыре двухпудовыхъ мортиръ (траншейная), дѣйствующія на переднемъ фасѣ люнета, безъ пристрастія, дѣйствуютъ хорошо, тогда какъ пушки Епурова, 10-е и 11-е Лошкова (39-го экипажа) отдыхаютъ. Но коль скоро они приступаютъ къ дѣйствию, то у союзниковъ, кажется, начинаютъ руки дрожать: или пороху переложать въ мортиру, или не доложить—отъ чего бомба то перелетитъ, то не долетитъ, и, падая, не приноситъ вреда. Непріятельскія траншеи, расположенныя вокругъ всего передняго фаса, исходящіе углы праваго и лѣваго фасовъ, въ разстояніи 130 саж. (отъ редута) сильно беспокоили насъ штуцернымъ огнемъ. Но шесть полу-пудовыхъ мортирокъ, въ которыя кладется порохъ русскими смѣлыми руками, такъ искусно раззоряютъ мерлоны штуцерныхъ, что въ самое краткое время угощенія ихъ маленькими гранатками совершенно молкнутъ, какъ птички передъ грозой. Но безъ того пули ихъ такъ часто и громко визжать, что думаешь, что пчелы летятъ въ редутъ угощать жителей Камчатки своимъ медомъ. Безъ сомнѣнія иногда штуцерники непріятели стрѣляютъ очень хорошо: многія пули убивали нашихъ штуцерниковъ прямо въ глазъ смотрѣвшаго въ штуцерную амбразуру. Но иногда какъ, на примѣръ, Павелъ Степановичъ¹⁾, навѣщая мой люнетъ почти каждый день, или Эдуардъ Ивановичъ²⁾, стоятъ на банкетѣ по нѣскольکو минутъ, не измѣняя своего положенія, наблюдая за какой-нибудь батареей, или смотря на вновь выводящаго траншеи непріятели, и при всемъ усиленномъ огнѣ пули все—въ полѣ да въ полѣ.

Также 25-го и 26-го мая я, командуя залпы съ траверза, съ ногъ до головы былъ открытъ, но ни одна пуля не задѣла. Видно, правду говорятъ преданіе: „пуля виновнаго найдетъ.“

6 мая.

Я узналъ, что братъ мой младшій, находившійся на Волинскомъ редутѣ, контуженъ въ голову и пользуется на пароходѣ „Владиміръ“. Начальникъ 4-го отдѣленія позволилъ мнѣ отлучиться съ люнета, для свиданія съ раненымъ братомъ, который 9 мая готовился отправиться въ отпускъ.

Съ первыхъ чиселъ мая предпринята постройка двухъ батарей:

¹⁾ Нахимовъ.

²⁾ Тотлебенъ.

1-я изъ четырехъ орудій 24-фунтоваго калибра—по продолженію лѣваго фаса Камчатскаго люнета; 2-я изъ четырехъ орудій 24-фунтоваго калибра—перпендикулярно лѣвому фасу, въ разстояніи отъ онаго въ 30-ти саженьяхъ.

Первой батареей назначенъ былъ командовать П. П. Лесли, лейтенантъ 35-го флотскаго экипажа. Батарея назначена въ помощь лѣвому фасу Камчатскаго редута. Командовать второй батареей назначенъ былъ корпуса морской артиллеріи поручикъ Вороновъ. Она должна помогать переднему фасу Камчатскаго люнета, дѣйствовала по траншеямъ. Съ праваго фаса Камчатскаго редута, въ разстояніи отъ него тоже 30 сажень, построень былъ валъ для мортирной батареи, которая не вооружена была до взятія редута. Всѣ эти батареи, по приказанію Павла Степановича, для сосредоточенія выстрѣловъ, подчинялись моему распоряженію. По сооруженіи выше сказанныхъ батарей, мы открыли канонаду — сначала пробными выстрѣлами для приобученія комендоровъ, а потомъ батальнымъ огнемъ дѣйствовали по батареямъ непріятеля.

Послѣднему стало труднѣй выдерживать огонь нашъ и прибавленныхъ къ Камчатскому люнету 8-и орудій. Тогда непріятель отдѣлилъ еще 5 мортиръ противъ люнета пятипудоваго калибра. До 25 мая, постоянно перестрѣливаясь днемъ съ непріятелемъ, ночью имѣли хоть малый покой. Команды располагались для отдыха (по окончаніи исправленія амбразуръ) около своихъ орудій, имѣя одного человѣка съ зажженнымъ фитилемъ. Въ ночное время орудія заряжались ядрами съ картечью въ жестяномъ корпусѣ на шнурѣ и наводились въ тѣ мѣста, откуда ожидали нападенія.

25 мая.

Въ три часа по полудни непріятель открылъ сильнѣйшую бомбардировку по люнету. Дѣйствовало у непріятеля 41 орудіе большого калибра, изъ нихъ два были десятидюймовыхъ и 15 мортиръ 2, 3, и 5 пудоваго калибра. Итого, съ непріятельской линіи дѣйствовало по люнету, по батареѣ Лесли и Торопова 56 орудій. Залпы непріятелей были бы совершенно разрушительны относительно моихъ снарядовъ, но, благодаря Богу, можетъ быть и четвертой части снарядовъ не осталось въ люнетѣ. На всѣ эти, ужаснаго калибра орудія, ввѣренныя мнѣ батареи отвѣчали 26-ю двадцати-четырехъ фунтовыми пушками, да 6-ю полу-пудовыми мортирками.

Убыль была въ матросахъ и въ прикрытіи значительна, но артиллерія страдала мало. Къ закату солнца на батареяхъ было только три подбитыхъ орудія и два подбитыхъ станка. По немнѣнію готовыхъ, привозимыхъ на люнетъ, орудій и станковъ для пере-

мѣны, амбразуры были заставлены турами. Неизвѣстны поврежденія этого дня у непріятеля, но видно было, что у него, къ закату солнца, многія амбразуры были заставлены, и что уже не изъ всѣхъ орудій продолжалъ онъ пальбу.

Въ этотъ день командиръ перваго фаса В. И. Чистяковъ смертельно раненъ штуцерною пулею. Мѣсто его замѣнилъ мичманъ 42 экипажа Бѣгичевъ, присланный по распоряженію начальника артиллеріи М. А. Перелешина. Съ наступленіемъ ночи непріятель не переставалъ бросать въ люнетъ бомбы; изъ нихъ были многія очень удачны, онѣ замедляли наши исправленія. Но какъ ни трудно было въ короткую ночь переправить почти всѣ амбразуры и перемѣнить вѣсколько орудій, но силы велики у русскаго человѣка, желаніе у матроса такъ велико—получить „спасибо“, что онъ, забывая усталость свою, не выйдетъ изъ амбразуры, не кончивши ее.

Такимъ образомъ люнетъ и сосѣднія батареи къ разсвѣту 26 мая были совершенно готовы—отвѣчать на всякія покушенія непріятеля. Утромъ штурма невозможно было ожидать, потому что непріятель въ артиллеріи моей нашелъ сильное сопротивленіе вчера и съ разсвѣтомъ, видѣвши, что редутъ готовъ опять помѣрить свои силы, къ половинѣ пятаго открылъ бомбардировку болѣе энергическую, такъ что я принужденъ былъ замѣнить чрезъ три часа дѣла, т. е. къ 8 часамъ, всѣ пять орудій, привезенныхъ ночью въ запасъ. Не прекращая пальбы ни на секунду, артиллерія моей удалось подбить нѣсколько орудій у непріятеля, поэтому огонь къ полдню сталъ нѣсколько легче. Но не легко намъ было смотрѣть, что изъ 26 орудій на батареяхъ нашихъ осталось только 10. Невозможно было даже ожидать привоза орудій раньше ночи. И такъ мы съ десятью орудіями должны были продолжать дѣло. Къ тремъ часамъ по полудня годныхъ орудій для дѣйствія на люнетъ не было уже. Позвавши фасныхъ командировъ, я предложилъ имъ позаботиться на случай штурма, положить орудія своихъ фасовъ въ такое положеніе, чтобы можно было на самомъ близкомъ разстояніи хоть по разу выстрѣлить изъ каждаго орудія, зарядивъ для того двумя мѣточными картечами. Собравъ прислугу свою, сотрудники мои мичмана Харламовъ и Бѣгичевъ принялись снова за работу, а, по случаю отправления раненаго командира передняго фаса прапорщика Кондратьева въ госпиталь, я самъ занялся приведеніемъ въ порядокъ орудій передняго фаса.

Непріятель, увидя превосходство свое, продолжалъ палить батальнымъ огнемъ, иногда и залпами по рабочимъ людямъ въ амбразурахъ и въ пороховомъ погребѣ. На послѣдній упало вдругъ двѣ бомбы. И какъ ни трудно было забросить воронку, бывши со-

вершено открытымъ, подъ штуцернымъ огнемъ, но съ большимъ успѣхомъ исполнили это дѣло солдаты 4-го баталіона Полтавскаго полка подъ командою маіора Щепетникова съ матросами, отдѣленными нарочно для этого отъ орудій. Предполагая навѣрное штурмъ, я предложилъ капитану Забалканскаго полка Горянову (?) сходить къ начальнику отдѣленія и лично передать ему, въ какомъ положеніи находится люнетъ. Но съ трехъ до пяти часовъ не было никакого распоряженія о подкрѣпленіи. Между прочимъ, изъ 4-го баталіона Полтавскаго полка, находящагося въ эти сутки на люнетѣ, въ прикрытіи осталось (по заявленію баталіоннаго командира) 80 человѣкъ, а изъ 200 матросовъ осталось 48 человѣкъ.

Пять часовъ по полудни.

Каждую секунду ожидать штурма, видѣть, какъ войска стягиваются и наполняютъ непріятельскія траншеи, какъ туристы, желая любоваться кровавой драмой, собираются толпой въ англійскую, ближайшую къ люнету, батарею—признаюсь, положеніе было самое незавидное для того, кто долженъ былъ защищать редутъ: 125 человѣкъ команды и надежда на помощь Божію—вотъ были данныя, на которыхъ я полагалъ защиту люнета.

Но вдругъ невидимо Господь послалъ люнету Павла Степановича, который не задумался въ эти критическія минуты навѣстить тѣхъ, которымъ совѣтъ его былъ необходимъ. Адмиралу сопутствовалъ адъютантъ его, лейтенантъ Финьгаузенъ. Въ короткихъ словахъ передалъ я адмиралу положеніе своего люнета и неизбежность штурма. Но все-таки онъ приказалъ показать поврежденія въ артиллеріи. Едва лишь прошло пятнадцатое орудіе, какъ докладъ вахтеннаго офицера, мичмана Харламова, о наступленіи непріятеля заставилъ меня просить адмирала удалиться и прислать подкрѣпленія. Но, не внемля просьбѣ людей, адмиралъ, обнажая кортикъ, вскочилъ на банкетъ. Просьбу я повторилъ во второй разъ и увѣрилъ его, что бесполезно его пребываніе, но что можно будетъ сдѣлать для защиты редута, будетъ исполнено. Удивило немало меня, однако, то, что адмиралъ въ первый разъ послушалъ убѣжденій. Не разъ случалось мнѣ говорить ему, при посѣщеніи люнета, когда онъ, взойдя на банкетъ, довольно долго стоялъ открытымъ до половины груди. Обыкновенно, въ отвѣтъ, его словами были: „Сойдите сами, если хотите!“

Непріятель, изъ Киленбалки, ударилъ во флангъ батареи Торопова, началъ обходить насъ съ горжи. Люнетъ мой сткрылъ съ лѣваго фаса картечный огонь; въ вѣрности онаго невозможно ру-

чаться: орудія стрѣляли съ подошвы амбразуръ, нѣкоторыя были безъ дульной части. Съ приближеніемъ непріятеля батареи союзниковъ сдѣлали по люнету общій залпъ, и послѣдній совершенно разрушили. Меня ранило въ это время камнемъ въ правый високъ, но я былъ еще въ состояніи постоять за себя. Штудерная пуля прострѣлила мнѣ ногу насквозь, лишивъ меня возможности долѣе сопротивляться. Маіоръ Щепетниковъ сбитъ съ горжи и отступаетъ. Пришлось и мнѣ, наконецъ, сказать: „заклепывай пушки! Бери принадлежности и отступай за прикрытіемъ!“.

При отступленіи находился мичманъ Бѣгичевъ, а мичману Харламову поручено былоacleпывать орудія съ артиллерійскими кондукторами. Прикрытіе было выбито изъ отступной траншеи штыками непріятеля, направилось на батарею Жерве, чему послѣдовалъ мичманъ Бѣгичевъ. Но такъ какъ батарея Жерве открыла картечный огонь по преслѣдовавшему насъ непріятелю, то прикрытіе люнета и матросы много пострадали. И когда меня проносили по этому же пути, я увидалъ убитаго мичмана Бѣгичева. Думаю, что онъ былъ убитъ своей картечью, ибо лежалъ головой отъ батареи. Благополучно, лишившись своихъ, однако, конвоировъ, я доползъ уже до рва батареи. Благодаря картечному огню, преслѣдованіе было замедлено и дало возможность спастись отъ плѣна или смерти. Меня подняли изъ рва, положили на носилки и принесли сначала къ „Владиміру“, а потомъ переправили на корабль „Ягудіаль“, гдѣ и была сдѣлана владимірскимъ медикомъ А. Н. Новиковымъ первая перевязка ноги. Падающія въ корабль бомбы (одна изъ нихъ даже сдѣлала на кораблѣ пожаръ) заставили переправить всѣхъ насъ, раненыхъ, на Сѣверную Сторону, въ офицерскій госпиталь, что было уже на третій день моей раны.

Не могу до сихъ поръ забыть вниманія, которымъ я пользовался, въ болѣзни своей, отъ капитана своего Г. И. Б., отъ экипажнаго командира В. И. Б., отъ смотрителя госпиталя И. И. К. и отъ сестеръ милосердія.

На третій день раны своей я подалъ рапортъ съ представленіемъ донесенія о 26 маѣ и просилъ назначить слѣдствіе—во избѣжаніе нареканій, могущихъ быть за оборону люнета. Результатомъ просьбы моей было письмо отъ Павла Степановича, которое при семъ помѣщаю, какъ живое доказательство справедливости всего журнала моего, такъ и вниманія героя-начальника къ своимъ питомцамъ.

Вотъ письмо, полученное мною (отъ 4 іюня) на Сѣверной Сторонѣ.

„Бывши личнымъ свидѣтелемъ разрушеннаго и совершенно без-

защитнаго состоянія, въ которомъ находился редуть Вашъ, и, несмотря на это, бодрого и молодецкаго духа команды, и тѣхъ усилій, которыя употребляли Вы къ очищенію амбразуръ и приведенію въ возможность дѣйствовать хоть нѣсколькими орудіями; наконецъ, видѣвши прикрытіе значительно уменьшеннымъ огнемъ непріятеля, я не только не нахожу нужнымъ назначенія какого-либо слѣдствія, но признаю поведеніе Ваше въ эти критическія минуты въ высшей степени благороднымъ. Защищая редуть до послѣдней крайности, заклепавши орудія и взявши съ собою хотя принадлежность, чѣмъ отняли у непріятеля возможность вредить Вамъ при отступленіи, и, наконецъ, оставивши редуть послѣднимъ, когда были два раза ранены, Вы выказали настоящей военный характеръ, вполне заслуживающій награды, и я не замедлю ходатайствовать объ этомъ передъ г. Главнокомандующимъ.

На подлинномъ подписано:

„Адмираль Нахимовъ“.

Получивъ продолжительный отпускъ для излеченія ранъ, я лишенъ былъ возможности участвовать при штурмѣ 27 августа, доставившемъ сослуживцамъ моимъ столько славы. Нынѣ, получивъ легкое облегченіе, возвратился снова на службу и нахожусь въ г. Николаевѣ, въ прикомандированіи къ 39-му флотскому экипажу“.

Въ письмѣ ко мнѣ (отъ 25 іюня 1908 г.), кн. Ухтомскій сообщилъ, между прочимъ, отвѣчая на мои вопросы, вызванные подаренными мнѣ бумагами, слѣдующее:

„О запискахъ лейтенанта Тимирязева съ Камчатскаго люнета ничего не могу припомнить и едва-ли онѣ гдѣ либо печатались, потому что Тимирязевъ былъ убитъ въ концѣ обороны Севастополя. Сколько помню, смерть его была трагическая.“

Въ концѣ обороны непріятельскіе стрѣлки были отъ нашихъ баталіоновъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, вооруженные штуцерами, чего у насъ не было, — они могли убивать каждого изъ насъ, на выборъ. Большая часть орудійной прислуги, матросы были перебиты и замѣнены вялыми и трусливыми солдатами. Орудія за день сбивались. Единственное спасеніе было въ блиндажахъ, и то ненадежное, такъ какъ насъ поражали навѣсными бомбами. И вся жизнь, и работа сосредоточивались ночью. По приказанію адмирала Нахимова съ батареей отпускали флотскихъ офицеровъ не иначе, какъ дѣйствительно раненыхъ. Понятно, въ какомъ угнетенномъ состояніи находились наши моряки — и потерять рассудокъ было

очень возможно. Такъ случилось и съ Тимирязевымъ: въ одинъ день, въ припадкѣ умоизступленія, онъ вскочилъ на оборонительную линію: „одна изъ французскихъ пуль уложила его на мѣстѣ“.

У.

Окончилась героическая эпопея Севастопольской обороны, оставившая въ душѣ молодого князя Ухтомскаго глубокіе, неизгладимые слѣды, превратившая его изъ барича-сибарита въ служаку, въ друга солдата—не на словахъ только, а на дѣлѣ, заставившая его еще болѣе полюбить и русскій простой народъ, и флотъ. Молодому сердцу его, его національной гордости была нанесена на всю жизнь болѣзненная, незаживающая рана.

Неудивительно, поэтому, что, съ наступленіемъ мирнаго времени, неудержимо тянуло покойнаго—посѣтить мѣста, особенно прославившіяся подвигами русскаго офицера, русскаго солдата, щедро политыя родной кровью.

И вотъ—дневники князя наполняются описаніями его поѣздокъ по Севастопольскимъ руинамъ, по другимъ пунктамъ Крымскаго полуострова.

Онъ вдумывается скорбно въ повѣствованія очевидцевъ, тщательно изучаетъ наиболѣе интересныя въ историческо-боевомъ значеніи окрестности, занося въ свои путевые журналы даже незначительныя мелочи, набожно молится у „братскихъ могилъ“ и, въ то же время, кипитъ благородной жаждою—отомстить когда-либо восторжествовавшему врагу. Въ душѣ его все крѣпнеть первоначальный планъ—со временемъ, въ качествѣ очевидца, сдѣлать подробное описаніе обороны Севастополя.

Но приведемъ лучше соотвѣтствующія страницы дошедшихъ до насъ дневниковъ князя.

18 мая 1856 года покойный заноситъ: „Я не воображалъ, чтобы мнѣ удалось еще разъ увидѣть Севастополь... А теперь я на пароходѣ „Тамань“—и черезъ нѣсколько часовъ мы дѣйствительно снимаемся съ якоря (изъ Спасска). Опять я увижу тѣ мѣста, которыя мнѣ такъ дороги!—Эту ночь я почти не спалъ, тѣмъ болѣе, что вечерній разговоръ еще до сихъ поръ не выходитъ изъ головы. Неужели я расчувствовался?—Мнѣ кажется, это—совершенно лишнее. Прекрасная погода. Свѣжій весенній воздухъ, вездѣ—зелень по берегамъ...

Вотъ мы подошли къ Кинбурну, миновали французскую эскадру, очень грязную и конструкціей своихъ судовъ похожую на купеческую, кромѣ двухъ прекрасныхъ пароходовъ, и черезъ полчаса вошли въ Черное море. Морской воздухъ, вѣрно, мнѣ родной! Какъ свѣжо и какъ легко дышать! Предо мною опять эта ясная и голубая безконечность! Я какъ будто-бы ожилъ, какъ будто-бы помолодѣлъ!..

Къ вечеру мы, бросивъ якорь на Одесскомъ рейдѣ, прожили здѣсь сутки и потомъ пошли въ Севастополь. На другой день, около полдня, мы уже подходили къ Крымскимъ берегамъ. Знакомыя мѣста!—Вотъ Чатырдагъ. Вотъ—Балаклава. Но окрестности измѣнились. Въ Камышевой бухтѣ, виденъ лѣсъ кораблей; берега обстроены; двигаются обозы, блестятъ штыки войскъ. Это—наши побѣдители. Въ каждой бухтѣ стоятъ то же суда подъ иностраннымъ флагомъ. Мы подошли къ Севастопольской бухтѣ и я не узналъ города. Александровской, Николаевской и Павловской !батарей нѣтъ. Самый городъ почернѣлъ и безъ всякаго признака жизни. При видѣ того огромнаго кладбища, при вспоминаніи объ осадѣ Севастополя, невольно слезы показались у меня на глазахъ, и многіе изъ насъ, снявъ фуражки, набожно перекрестились. Обогнувъ затопленные корабли наши, мы вошли въ бухту и бросили якорь около Сѣверной Стороны. Черезъ часъ мы были уже на Графской пристани. Хотя лѣстницы и колонны пристани—цѣлы, но статуи уже нѣтъ и многое повреждено. (Вѣроятно взрывомъ 26 августа 1855 г.). На площадкѣ—французскіе часовые; въ сторонѣ—нѣсколько французскихъ офицеровъ. На мѣстѣ разореннаго Екатериненскаго дворца стоитъ деревянный баракъ и надъ нимъ французская надпись гостиницы.

Собраніе совсѣмъ разрушено, Михайловскій придѣлъ тоже. Въ недостроенномъ же соборѣ устроенъ костелъ: тамъ стоитъ алтарь и нѣсколько родовъ скамеекъ. На улицѣ мы встрѣчали много французскихъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ отдавали намъ честь. Адмиралтейская башня—цѣла, но часы вынуты и находятся теперь въ французской главной квартирѣ, около дома маршала Пелисье. Екатерининская улица разрушена. Мы поднялись по лѣстницѣ къ Греческой церкви, мимо дома Панфилова, гдѣ живетъ комендантъ города генералъ Вазій. Эта церковь и старыи соборъ тоже разрушены. Отсюда мы прошли на могилу адмираловъ. Хотя говорили, что гробъ Нахимова открытъ, но мы нашли его въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Ставъ на колѣни, мы помолились объ упокоеніи ихъ душъ и просили Небо—ниспослать намъ силъ для отомщенія непріятелю.

Библіотека обгорѣла и представляла развалины; статуи и барельефы, украшавшіе это прекрасное зданіе, взяты непріателемъ. При входѣ въ библіотеку стояли два мраморныхъ сфинкса: они тоже взяты, а пьедесталы, которыхъ не могли поднять, испорчены непріателемъ. Отсюда мы пошли на 1-е отдѣленіе оборонительной линіи.

Весь городъ положительно разрушенъ; палаты и хижины сравнялись и лишь остатки стѣнъ едва возвышались надъ грудями щебня. Нигдѣ нельзя было найти куска дерева. Бастіоны обсыпались, амбразуры обвалились; орудія уже были всѣ увезены, и фран-

пузы забирали послѣдніе снаряды. Лучше всѣхъ сохранился 6-й бастіонъ. Около Ростиславскаго редута стояло нѣсколько грузовыхъ повозокъ, каждая запряженная шестью лошадьми; изъ рва рабочіе вынимали ядра. Пройдя 5-й бастіонъ, около батареи Титова, идетъ дорога во французскій лагерь и на доскѣ прибита французская надпись: „запрещается вырывать деревья и портить растенія“. Мы невольно захотѣли прочесть эту надпись: непріятель ни въ одномъ домѣ не пожалѣлъ частной собственности, нигдѣ не оставилъ даже куска дерева, а заботился о сохраненіи въ городѣ деревьевъ, которыхъ едва-ли наберется десятокъ. Французы вездѣ останутся французами! На батареяхъ—карауль. Мы подошли къ одной будкѣ, чтобы закурить папиросу, и разговорились съ французскими солдатами.

— „Я думаю, вамъ тутъ немного скучно?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „Да, это правда“, отвѣчалъ солдатъ.

— „Такъ вы сами виноваты. Зачѣмъ до такой степени разрушили все!“

— „Что дѣлать!“ отвѣчалъ тотъ: „это участь войны. Впрочемъ, мы не имѣемъ права жаловаться одни на другихъ: вы тоже намъ хорошо отплатили“.

Черезъ батарею Забуцкаго мы спустились къ шоссе, которое идетъ отъ театра за шлагбаумъ. На лѣвой рукѣ, гдѣ у насъ когда-то ставились качели, выстроены деревянные шалаши, въ которыхъ живутъ солдаты. Черезъ 4-ю батарею идетъ шоссе къ непріятельскому лагерю. Въ театрѣ устроена харчевня, которую содержитъ сардинецъ. Было очень жарко, и мы зашли освѣжиться. За столами сидѣли солдаты очень прилично: одни закусывали, другіе пили. При насъ вошли нѣсколько офицеровъ. Мы выпили портеру и пошли дальше.

Подходя къ дому Рождественскаго, мы остановили французскаго солдата, у котораго на груди были двѣ медали: одна англійская съ портретомъ королевы Викторіи.—Эту медаль французы не очень цѣнятъ, говоря, что получили ее за спасеніе англійской арміи, и что, при возвращеніи во Францію, имъ будетъ совѣстно носить ее. Другая была французская, Почетнаго Легіона, украшенная одноглавымъ орломъ. Она даетъ солдату отъ 100 до 300 франковъ ежегоднаго пенсіона, и солдаты гордятся ею. У каждаго французскаго солдата на рукавѣ вышито или ружье, или горнъ, или шанцевый инструментъ, такъ что легко узнать родъ его службы.

Отъ дома Унтонъ мы пошли влѣво и спустились къ Южной бухтѣ. Прежній плавучій мостъ возобновленъ, и по немъ мы перешли къ развалинамъ Морскаго госпиталя. Здѣсь же въ Корабель-

ной Слободкѣ идутъ англійскія владѣнія. Большая часть англійскихъ солдатъ въ красныхъ мундирахъ и брюкахъ. Около воротъ госпиталя стоялъ часовой. Отсюда мы прошли на 3-й бастионъ: вездѣ разрушеніе. Одинъ изъ насъ, постоянно служившій во время осады на 3 отдѣленіи, едва узнавалъ батареи—до того онѣ перемѣнились. Около исходящаго угла, передъ ровомъ, англичане поставили памятникъ солдатамъ, павшимъ во время штурма.

Потомъ мы пошли вправо и черезъ доковый оврагъ, отъ Камчатскаго люнета, вышли къ Малахову кургану. Около маленькой будки, передъ ровомъ, разведенъ цвѣтникъ. Въ сторонѣ какой-то туристъ съ карандашомъ въ рукахъ снималъ видъ окрестностей. Самый ровъ передъ башнею почти цѣль, хотя передъ штурмомъ онъ былъ засыпанъ непріятельскими выстрѣлами; но видно, что онъ расчищенъ для того, чтобы показать всю трудность перехода черезъ него во время штурма. Черезъ ровъ перекинутъ мостикъ (штурмовая лѣстница). На мѣстѣ прежней башни стоитъ деревянный баракъ, на которомъ французы имѣли телеграфъ. Траверзы обвалились, горжи тоже; но ворота съ тыльной стороны—цѣлы. Во рву 2-го бастиона, гдѣ въ послѣдній штурмъ французы были отбиты шесть разъ, и груды непріятельскихъ труповъ завалили мѣстность, еще и теперь разбросаны клочки мундировъ, изломанное оружіе, галстуки и пр. Тамъ французы поставили много могильныхъ крестовъ.

Около Корнилова бастиона они сдѣлали общій памятникъ павшимъ въ день штурма. На немъ—слѣдующая надпись:

„Unis par la Victoire,
Reunis par la mort
Des soldats c'est la gloire,
Des braves c'est le sort“.

Отсюда мы спустились въ Корабельную Слободку. Какое ужасное вездѣ разрушеніе! Я до сихъ поръ не могъ вообразить, чтобы до такой степени можно было уничтожить городъ. Не было цѣлой ни одной стѣны; ни дверей, ни оконъ; крышъ не существовало. Какъ будто-бы ураганъ прошелъ по этой части города, срывая въ всѣ зданія и оставивъ только груды камней и разбитыхъ стеколъ.

Дойдя до Павловскаго мыска, мы взяли мальтійскую шлюпку и возвратились на пароходъ часу въ шестомъ вечера. Завтрашній день будетъ очень интересенъ: мы поѣдемъ въ Камышь и Балаклаву, о которыхъ столько рассказываютъ.

Сообщ. А. В. Жирковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).